

KULIKOV A.V.

THE REVIEW OF COIN FINDINGS FROM THE ANCIENT SITE OF
AKRA SETTLEMENT (1981 – 2001) AND THE PROBLEMS OF DIVI-
SION MONETARY CIRCULATION IN BOSPORUS INTO PERIODS

Summary

The article deals with the analysis of the numismatic collection from the site of ancient settlement obtained in the course of archaeological excavation and systematic gathering of the material from the Seacoast and from under the water. The author put forward a variant of subdividing coinage and monetary circulation in ancient Bosphorus into several periods. Within the framework of different periods and stages the dynamics of finding coins was traced.

It was stated that all monetary materials from Akra include all four chronological periods – Archaic, Classical, Hellenistic and Roman; this helps to date cultural layers of the site back to 6th century BC till the mid-4th century AD.

The Archaic period is represented by only one coin. During the classical epoch coins from different centres of the Black Sea coast: Kerkinitida, Chersonesos, Byzantium come to the monetary market of Akra. In the first half of the 4th century BC coins from Panticapeum are becoming more and more numerous, and by the mid of the century they conquer the market of Akra. The epoch of Hellenism is represented by the issues dating back to the last quarter of the 4th century BC, coins of the epoch of monetary crisis of the 3rd century, coinage of the last Spartokides and Pontus tzars. Roman epoch in monetary circulation is divided by the author in accordance with the system of face value dominating in different periods: assa, sesterce, denarius, billonal and copper stater.

The analysis of the coins shows that the epoch of the most economic prosperity of Akra was the 2nd – the beginning of the 3rd AD. Imposing collection of coins of late-Roman period enables us to date the downfall of the site back to the mid - second half of the 4th century AD.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

ПОСЕЛЕНИЕ «ПУСТЫННЫЙ БЕРЕГ I»

Исследования последних лет в Восточном Крыму, в частности в ряде районов Крымского Приазовья, показали, что мы имеем здесь не только большое типологическое и хронологическое разнообразие поселений античного времени (это предполагалось и раньше), но и, по-видимому, несколько иной характер их взаимосвязей. Написав это, мы вовсе не оговорились, а имели в виду именно определенный уровень взаимозависимости, взаимоподчиненности и хозяйственных связей, которые объединяли несколько относительно близко расположенных синхронных памятников. О том, что таковые (т.е. связи) существовали, так сказать, в чисто бытовом плане сомневаться не приходится, но выявить археологические признаки, вернее даже намеки, на наличие определенной структуры, системы пока не удавалось. Лишь самые тщательные поиски всех объектов в конкретном микрорегионе с их последующим изучением, как будто бы открывают здесь какие-то перспективы, а, следовательно, позволяют делать более или менее обоснованные социально-экономические и исторические реконструкции. (В частности, в отношении существования на хоре европейского Боспора различных типов хозяйств, а значит и разных форм землевладения.) В этой связи весьма интересные результаты дают раскопки уже относительно давно исследуемого памятника Генеральское Западное и ряда объектов вблизи него. Целостная картина еще далека от своего завершения, и общие выводы делать пока рано. Тем не менее, а может быть именно поэтому, считаем уместным вернуться к рассмотрению некоторых археологических материалов, полученных нами еще некоторое время назад. Речь пойдет о небольшом сельском поселении Пустынный берег I.

Обнаруженное еще в 1988 г. по незначительным обнажениям культурного слоя в береговом обрыве, это поселение было полностью раскопано в 1990 г. Информация о нем, вместе с некоторыми иллюстрациями, вошла в нашу монографию о сельской территории европейского Боспора, изданную в 1998 г. [Масленников 1998, с. 68-76]. Поселение располагалось на небольшом по площади, ровном участке морского побережья (в среднем на высоте 10,5-11,5 м над уровнем моря), приблизительно в 2,5 км к западу от вышеупомянутого, хорошо известного усадебного комплекса

* Его координаты, согласно системы GPS измерений: 45,47010° с. ш.; 36,18435° в. д.; восточное положение – 279910; северное – 5039117. Замеры произведены С.Л. Смекаловым.

(рис. 1). Находка медной пантикапейской монеты конца IV в. до н.э. подтвердила предполагаемую датировку поному полному материалу дату этого объекта. Уточнение ее, а равно и иные характеристики, стали возможными благодаря раскопкам, проведенным на площади в 250 м². Им предшествовала детальная топографическая съемка¹¹. Эти измерения, естественно, охватили несколько большую площадь. В западной ее части на соответствующей «карте» (рис. 2) отчетливо различаются отрицательные магнитные аномалии, имевшие прямоугольную конфигурацию. Был сделан вывод, что здесь располагалось некое здание, состоявшее из трех помещений. Внутри их предполагалось наличие хозяйственных ям или очагов, которые отразились в виде локальных положительных аномалий. В южной же части зафиксирована протяженная отрицательная аномалия, к северу от которой – положительная. Источник ее, вероятно, продолжение южной стены здания.

С учетом этой информации, а также некоторых особенностей местного рельефа удалось наиболее рационально провести исследования, полностью вскрыв все строительные остатки и даже всю площадь распространения культурного слоя (рис. 3). Надо заметить, что дневная поверхность в данном месте была ровной, ненарушенной и умеренно закривавшейся. Отчетливо пологий и протяженный подъем в южном направлении был примечателен наличием нескольких параллельных морю террасообразных уступов, кое-где пересекавшихся менее заметными, перпендикулярными им валлообразными возвышениями. Культурный слой на раскопе оказался весьма тонким (не более 0,3-0,5 м) и практически однородным в плане стратиграфии. Вслед за прослойкой серого гумуса (0,05-0,1 м) следовал серо-коричневый, сухой, комковатый суглинок (0,1-0,2 м), местами с включениями измельченных раковин морского гребешка, переходящий в коричневый и более плотный грунт такой же примерно толщины. Материком являлась глина-белоглазка, перекрывавшая скальные породы. Описанный слой был относительно слабо, но почти равномерно насыщен обломками среднеизмельченной и заизвесткованной керамики и камнями. Кости животных практически отсутствовали. В сущности, эти же находки были встречены и на площади занятой строительными остатками. Сохранность последних можно признать удовлетворительной, хотя речь идет только об основаниях стен, уцелевших в высоту не более чем на два-три ряда кладки, т.е. на 0,2-0,45 м. По-видимому, в значительной степени они были разобраны еще в древности. Об этом говорят, помимо указанной особенности микрорельефа, незначительные завалы камней, главным образом внутри помещений. Площадь застройки невелика и планировка в целом выявляется уверенно (рис. 3). Некоторые стратиграфические наблюдения и в меньшей степени анализ находок и мест их обнаружения свидетельствуют, что мы имеем дело с двумя строительными периодами в жизни данного поселения, о датировке которого будет сказано особо.

Вероятно, первоначально какие-то постройки располагались в юго-восточной части раскопанной площади. Здесь были выявлены следы нескольких почти совершенно разрушенных стен. Три из них (№№ 8-10) образовывали, по крайней

¹¹ Данные исследования были выполнены группой специалистов Университета Санкт-Петербурга под руководством д.и.н. Т.И.Смекаловой.

мере, два смежных помещения (условно: 5 и 6), назначение четвертой (№ 11) осталось невыясненным. Практически однотипные по характеру кладки и материалу (однослойная, постелистая, иррегулярная из мелких и средних необработанных камней местного известняка на растворе глины) они своими основаниями были приблизительно на 0,2-0,3 м впущены в материковый слой. Фасы их, в особенности внешние у стен №№ 10 и 8, ровные, вертикальные. Обе последние стены сохранились в направлении почти строго запад-восток соответственно на 4,9 и 3,3 м. Ширина их 0,7 м, высота – 0,38 м. Расстояние между этими стенами (ширина помещений) всего 2,4 м. Поперечная стена (№ 9) имела несколько большую ширину (0,8-0,97 м), и в ней, близ стены № 8 (южной), существовал проход шириной 0,77 м со ступенькой, от которой уцелели три небольших камня. С двумя другими стенами она была построена «вперсплет». О длине помещений и, следовательно, их площади судить невозможно. Ясно только, что вся постройка была вытянута в указанном направлении. О первоначальном заполнении этих помещений также сказать что-либо затруднительно. Более позднее – нечем не примечательно и не отличается от окружающего грунта.

Назначение тонкой (0,4 м) стены № 11, прослеженной в длину всего на 3,1 м и в высоту на 0,28-0,32 м (в один ряд кладки) определить еще сложнее. Возможно, это была перегородка между помещениями, образовавшими «блок», построенный перпендикулярно к вышеописанному. В древности все они были разобраны с таким расчетом, что их уцелевшие камни вошли в горизонт несколько более поздней вымостки двора. Существование же синхронного им вымощенного пространства фиксируется в западной части этого двора, у стены № 1, где на незначительной площади сохранилось несколько относительно небольших плоских камней, перекрытых вымосткой второго строительного периода. О размерах первой, ранней вымостки ничего сказать нельзя, но именно с ее поверхности происходит медная пантикапейская монета последней трети IV в. до н.э. или несколько более ранняя (оп. 67) [Зограф 1951, т. XL, № 20 – 375-340 гг.; Шелов 1956, № 56 – 330-315 гг.]. К этому же периоду относится и большинство раскопанных на памятнике хозяйственных и мусорных ям.

Яма 1 в северо-западной части раскопанной площади перекрыта стеной № 7 и прорезана ямой 1а. Овальное пятно ее горловины было выявлено на глубине 0,44 м, на уровне древней дневной поверхности. Яма цилиндрической формы с диаметром устья 1,5x1,6 м была вырыта в слое погребенного и материкового грунта. Дно ровное, почти горизонтальное на глубине 1,5 м. Заполнение в верхнем горизонте: умеренно рыхлый, серый суглинок с камнями и несколькими обломками синопских, фасосских и хиосских с колпачковыми ножками амфор, а также тонкая ручка чернолакового килика, стенки лепного горшка и медная монета (оп. 66) [Зограф 1951, т. XLI, № 2 – 325-300 гг.; Шелов 1956, № 61 – 315-300 гг.]. Грунт заполнения ямы в нижнем горизонте: серый, более рыхлый суглинок с кусками пещины и мелкими, невыразительными обломками синопской амфоры.

Остальные ямы (4-8) были расчищены в пределах помещений второго строительного периода. Все они были предварительно плотно забиты землей и камнями.

Часть их ниже прорезаны позднейшими ямами или перекрыта стенами. При этом три ямы (3, 4, 6) частично разрушены друг другом, а яма 6, по-видимому, является самой ранней.

Основное пятно этой ямы было замечено в полу помещения 2 (на глубине 0,8 м). Она имела округлую форму с сужающимися ко дну стенками. Диаметр горловины составил 0,96 м, наибольший диаметр на глубине 0,45 м – 1,3 м. Глубина ямы, вырытой в материковом грунте – 1 м. Заполнение: плотный, серо-коричневый суглинок с очень небольшим количеством мелких фрагментов стенок фасосских, синопских и хиосских амфор. Северная часть ямы уходит под стену № 6, а южная прорезана более глубокой ямой 5. Судя по форме и размерам, данная яма служила для установки пифоса.

Яма 5 также была обнаружена в помещении 2 на глубине 0,84 м. Форма ее напоминала «грушевидную». Диаметр горловины 1,3 м; стенки, расширяясь, плавно переходят в ровное, почти горизонтальное дно диаметром 1,8x1,9 м. Заполнение: влажный, рыхлый темно-коричневый суглинок. В верхнем горизонте встречены камни. Прочие находки: мелкие фрагменты амфор все тех же центров, пифоса синопской глины, кусок обгорелого солена местной глины, венчик красноглиняной чашки, ножка чернолакового канфара последней четверти IV в. до н.э. (рис. 7,6).

Яма 7 раскопана к югу от вышеописанной и уходила частично под стену № 5. Горловина диаметром 0,85 м расчищена на глубине 0,86 м. Форма ее аналогична яме 5, но размеры меньше, а дно (диаметром 0,94-0,98 м) слегка понижалось к центру. Глубина ямы 0,82 м. Вырытая в материке, она была заполнена светло-коричневым, умеренно плотным суглинком с включением небольшого количества обломков лепного горшка.

Яма 8 находилась все там же и была частично перекрыта стеной № 2. Круглая горловина диаметром 0,9 м обнаружена на глубине 0,75 м. Форма ямы «грушевидная»; диаметр дна 1,56 м, глубина 1,8 м, наибольшая ширина 1,7 м. Заполнение в верхнем горизонте: сухой, зернистый суглинок с камнями. Ниже – темно-коричневый, влажный, умеренно плотный суглинок с камнями и угольками. В нем помимо обломков солена синопской глины, двух пирамидальных грузил из необожженной глины, фрагментов красноглиняной чашки, рыбного блюда и кувшина найден развал хиосской амфоры с колпачковой ножкой, датируемой самым концом IV в. до н.э. (рис. 6) (Определения А.П.Абрамова). Прослойка у дна: коричнево-черный суглинок с несколькими фрагментами стенок синопской амфоры.

Яма 4 расчищена в полу помещения 1, почти в центре, на глубине 0,67 м. Диаметр горловины 0,7x1,68 м. Форма ямы почти цилиндрическая, глубина 0,36 м. Заполнение: зеленовато-светло-коричневый, сырой, глинистый грунт с прослойкой на дне зернистого суглинка с угольками.

Во второй период жизни этого поселения здесь появилась небольшая постройка, к которой с востока примыкал мощеный двор (рис. 3). Первая представляла собой прямоугольное здание ориентированное продольными стенами по оси север-юг с небольшим отклонением к северо-востоку. Длина этих стен (№№ 1, 2) соответственно 10 и 11,2 м, ширина 0,76-0,8 м. Сохранившаяся высота 0,4 м (№ 1) и 0,7-1 м (№ 2). Основания их слегка впущены в материковый грунт. Как и поперечные

основные стены постройки (№№ 3, 7) эти стены сложены из средних и мелких необработанных известняковых камней на растворе глины в технике иррегулярной, двухслойной кладки. Фасы относительно ровные и вертикальные, швы между камнями невелики и частично заделаны глиной. Все стены сложены между собой «впереплет». В стене № 1 на расстоянии 4 м от северо-восточного угла имелся проход со стороны двора шириной 0,7 м. Длина стен №№ 3, 7 – 6,9 м, ширина 0,75-0,8 м, средняя сохранившаяся высота 0,6-0,7 м. Северо-восточный угол здания разрушен, но общая площадь определяется уверенно – 72,45 м².

Несмотря на эти небольшие размеры, внутренние стены-перегородки (№№ 4-6) делили его внутреннее пространство на четыре помещения. Стены №№ 5 и 6 разграничивали помещения 1 и 2, а также 2 и 3-4. Длина их соответственно 5,4 и 5,33 м, ширина 0,7-0,8 м при высоте 0,5-0,75 м. Характер кладки и материала в целом аналогичен вышеописанным стенам, уровень залегания оснований тот же. Но характер сочленения иной – «впритык».

Помещение 1 (северное) размером 5,4x2,4 м в северо-западном углу содержало подквадратное возвышение (1,13x1,35 м, высота 0,4 м), сооруженное из поставленных на ребро трех больших, плоских «дикарных» камней и заполненное мелкими и средними камнями и грунтом. Возможно, это было основание марша лестницы, ведущей на второй этаж здания.

К стене № 6 в 1,17 м от юго-восточного угла этого же помещения, впритык был пристроен прямоугольный очаг, построенный из больших, плоских камней. Подом печи также служил плоский камень. Местами уцелела внутренняя обмазка – пещина, а в заполнении – зола. Размеры очага 1,0x0,7 м при высоте 0,3 м. Пол помещения 1 уверенно не прослеживался. Вероятно, он был на уровне «подожья» стен, на слое материковой супеси, на глубине 0,78-0,8 м и слегка понижался в западном направлении. Заполнение помещения: рыхлый, серо-коричневый суглинок с включением отдельных камней и незначительного числа обломков солена синопской и местной боспорской глины, стенок синопских и иных амфор, фрагментов красноглиняных кувшина, чашки и рыбного блюда, лепного горшка, пифоса колхидской глины. Отметим находку возле очага медной пантикапейской монеты (оп. 68) [Зограф 1951, т. XXI, 2 – 325-300 гг.; Шелов 1956, № 61 – 315-300 гг.; Анохин 1986, № 125 – 294-284 гг.], железного гвоздя, обломка железного ножа, куска окрашенной красным штукатурки на светлом цемянковом растворе. В северо-восточном углу помещения, под камнем основания стены 7, было обнаружено два свинцовых, плоских кольца (оп. 64) (рис. 8,5-6). По-видимому, это были разновидности рыболовных грузил, довольно редко встречаемых на античных памятниках Северного Причерноморья. Но их местоположение, быть может, фиксирует некие действия сакрального порядка, проводившиеся при закладке стен здания. Примеры такого рода, правда, с использованием монет, известны достаточно хорошо, в том числе и на Боспоре [Савостина, Фролова 1998, с. 140-155].

Помещение 2 имело размеры 3,4x5,4 м. Заполнение: сухой, серо-коричневый суглинок с большим количеством камней. Особенно плотным этот завал был в центре помещения. В его юго-восточном углу (на глубине 0,67 м) расчищен небольшой участок вымощенного плоскими камнями пространства. Отдельные

большие плоские камни лежали и в западной части помещения. Один из них (0,47x0,6x0,17 м) имел подпрямоугольное углубление размером 0,17x0,22x0,06 м. Несколько в стороне лежала еще одна близкая по размерам плита. Скорее всего, оба эти камня служили для закрепления столбов какой-то кровли. В юго-западном углу помещения помимо камней зафиксирован тонкий слой морских раковин – подсыпки пола. На прочих участках он уверенно не выявлен. Почти в центре этого же помещения, на уровне пола, выявлено пятно горловины очередной ямы (3) диаметром 0,85x0,9 м. Ее форма приближалась к «грушевидной», дно диаметром 0,9 м плоское. Наибольшая ширина ямы 1,15 м, глубина 0,6 м. Заполнение: темный, серо-коричневый, умеренно сырой и плотный суглинок с включением известняковой крошки, мелких камней и единичных обломков керамики. Отметим, два фрагмента железного ножа (оп. 61) (рис. 8,3).

В заполнении помещения 2 было встречено довольно много кусков соленов синопской и боспорской глины; венчик дутерия и пифоса гераклейской глины; обломки гераклейских, синопских, фасосских, херсонесских, колхидских, хиосских и пепаретских амфор; фрагменты красноглиняных: флакона, рыбного блюда, чашки, кувшина и лепного горшка. Здесь же найден втульчатый наконечник железного копья с листовидным пером длиной 21,2 см (оп. 62) (рис. 8,4).

Помещения 3 и 4 в южной части здания имели почти одинаковые размеры: 1,9x2,4 м и 1,9x2,1 м. Их разделяла стена № 4 длиной 2,1 м и шириной 0,7 м. В помещении 3, к стене № 5, от угла со стеной № 4, была пристроена как бы дополнительная кладка длиной 1,2 м и шириной 0,5 м. Возможно, она также служила основанием марша лестницы на второй этаж. Пол этого помещения предположительно слой желтовато-коричневого, глинистого грунта на глубине 0,84 м. Заполнение: однородный, светло-коричневый, умеренно плотный, комковатый, сухой суглинок с единичными камнями и прочими находками (несколько стенок амфор различных центров, обломок лепного горшка, фрагмент чернолакового канфара и грузило из плоской гальки). Заполнение помещения 4 несколько иное: умеренно плотный, серо-коричневый суглинок, переходящий в комковатый, коричневый, глинистый грунт с известняковой крошкой без камней. Пол не выделяется, находки практически отсутствуют. За пределами дома ко второму строительному периоду относятся две ямы и вымостка двора.

Яма 1а была вырыта близ северной стены здания и прорезала частично, как уже писалось, более раннюю яму. Ее горловина диаметром 0,9x1,0 м выявлена на глубине 1,2 м. Форма ее округлая, глубина 1,1 м, максимальная ширина 0,6 м. Яма целиком вырыта в материке. Стенки и дно слегка заизвесткованы. Заполнение: темно-серый, довольно плотный суглинок с мелкими камнями, фрагментами керамики и угольками.

Вымостка двора прослежена как сплошной площадью, так и отдельными участками к востоку от здания на 14 м, а вдоль него – на 10 м. Она сооружена из средних и мелких камней и плит, уложенных достаточно плотно. Поверхность ее (на глубине 0,35-0,42 м) ровная. В восточной части вымостка перекрыта тонким слоем морской ракушки и песка (золотые отложения?). За исключением двух невыразительных обломков фасосских амфор (на одном имелось цифровое граффити, оп. 63) (рис. 8,2), других достойных упоминания находок здесь сделано

не было. В северной части двора отчетливо прослеживалось овальное, невымощенное, заглубленное пространство. При этом соприкасающиеся камни как бы сползли в него. Здесь расчищена большая яма 2. При раскопках ее, на уровне горловины, в грунте темно-серого, сухого суглинка с камнями было найдено несколько обломков амфор и соленов боспорской глины, в том числе две ручки синопских амфор с клеймами третьей четверти IV в. до н.э. (оп. 59) и отжигательное небольшое известняковое «жорыто-кормушка». Сама яма была вырыта в материке и до глубины 1,4 м имела цилиндрическую форму. Заполнение состояло из темно-серого, сырого, рыхлого суглинка с редкими камнями, невыразительными фрагментами синопских, гераклейских, усть-лабинских и иных амфор, кусками печины, мелкими обломками чернолакового канфара и простой красноглиняной чашки. В относительно ровном дне ямы было сделано овальное (1,35x1,68 м) углубление глубиной до 0,4 м также цилиндрической формы, но с неровным дном. Его заполнение: однородный, серый суглинок с угольками, немногочисленными камнями и стенками гераклейских и синопских амфор. Таким образом общая глубина ямы 2,6 м.

Среди прочих находок на поселении отметим еще одну мелкую пантикапейскую монету (оп. 65) [Зюграф 1951, т. XL, 20 – 375-340 гг.; Шелов 1956, № 55 – 330-315 гг.; Анохин 1986, № 113 – 314-310 гг.], фрагмент чернолакового рыбного блюда с граффити (оп. 60) (рис. 8,1), часть солена боспорской глины с клеймом (оп. 57) и две ручки синопских амфор с клеймами третьей четверти IV в. до н.э.

Итак, можно предположить, что на этом месте где-то около середины IV в. до н.э. или немного позднее, возникла небольшая постройка, о точных размерах и планировке которой судить практически невозможно. Затем, вероятно в последней четверти этого же века, или, опять-таки, несколько позднее, она была разрушена, либо полностью перестроена. Новый дом также был невелик по площади, стоял совершенно изолированно, имел, скорее всего, второй этаж и маленький внутренний крытый дворик. Помещения, все или некоторые, были оштукатурены, а кровля крыта черепицей. Перед домом располагался просторный, хорошо вымощенный двор без всякого внешнего ограждения. Вся эта постройка погибла, по-видимому, в конце первой трети III в. до н.э. Непосредственно поблизости подобных и синхронных строений не выявлено, хотя на некотором отдалении (до 0,5-0,8 км) как к западу, так и к востоку явственные следы небольших по площади поселений того же времени обнаружены и даже отчасти исследованы (поселения «Пустынный берег II и III»).

Выше предложенная датировка основывается помимо монетных находок и немногочисленных амфорных клейм на анализе амфорной тары. Картина здесь следующая. В целом, профильных, надежно атрибутированных частей, особенно ножек амфор, немного. Какие-либо статистические выводы здесь, видимо, неуместны, хотя обломки синопской тары, как будто бы преобладают. Судя по ножкам, это типы и формы, характерные для второй половины IV в. до н.э. – рубежа этого и следующего столетия (рис. 5,7-8). Вместе с тем, уцелевшие верхние части некоторых синопских амфор демонстрируют явные признаки, присущие формам III в. до н.э. (рис. 4,3-4; 5,5). Донца пепаретских амфор свидетельствуют, что эти сосуды были изготовлены, скорее всего, в третьей четверти IV в. до н.э. (рис. 5,4,6; 7,1). Хиосские «колпачковые» амфоры, безусловно,

датируются второй половиной IV, рубежом IV-III вв. до н.э. (рис. 5,1,3; 6). К тому же времени относится и фрагмент херсонесской амфоры (рис. 7,5). Может быть, несколько более раннему периоду (вторая-третья четверть IV в. до н.э.) принадлежат обломки гераклеиских и фасосских амфор (рис. 4,2; 5,2; 6,2,4,7). Наряду с некоторыми другими находками, они «фиксируют» первый период в жизни поселения (определения А.П.Абрамова, А.А.Завойкина и Г.А.Ломтадзе).

Полученные данные в какой-то мере позволяют судить о степени благосостояния и хозяйственной деятельности обитателей. Вероятнее всего, здесь более или менее постоянно жило население (не более одной семьи) следившее за некими, относительно удаленными от основного центра, сельскими угодьями. Попутно оно могло заниматься и рыболовством. Кем оно являлось в социальном плане не ясно, но определенный достаток, по крайней мере в бытовом отношении, просматривается. Обращает на себя внимание крайне небольшой процент лепной посуды, впрочем как и чернолаковой, и находки нескольких монет, а также наконечника копья – вообще, весьма редко встречаемого при раскопках сельских поселений предмета. Думается, мы будем недалеко от истины, определив данный памятник как одно из обособленных хозяйственно-жилых строений, входивших в состав крупного и сложного комплекса различных по планировке, площади и производственной направленности синхронных объектов. Иными словами, это была часть богатой, обширной сельской усадьбы некоего очень влиятельного владельца.

ЛИТЕРАТУРА

- Анцип В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
 Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. М., 1951. Вып.16.
 Масленников А.А. Эллиническая хора на краю Ойкумены (Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху). М., 1998.
 Савостина Е.А., Фролова Н.А. Находки монет под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва // РА. 1998, № 1.
 Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI-II вв. до н.э. М., 1956.

MASLENNIKOV A. A.

THE SETTLEMENT OF "PUSTINNY BEREG I"

Summary

A very small in area settlement was fully excavated in 1990. It is situated at a distance of 2.5 kms to the west of the so-called Generalskaya Bay (General's Bay) on the shore of the Azov Sea.

It became known that originally, but not earlier than the mid-4th century BC there was a building here. In the last quarter of the century it had been destroyed and on the same place another house or a small farmstead was built. This rectangular in the outline building of 72.2 square meters contained four premises-sections, one of which was a small covered inner yard. Some constructive peculiarities let us assume that the second floor was quite possible and, perhaps, was covered with tile. In front of the house, to the east, there is a paved yard without a fence.

Fragments of amphorae, characteristic for forms and the centres of this period, common and black-lacquered dishes, some Pantikapaion coins, graffiti, spear-head were found.

This isolated farmstead was, probably, a part of a system of buildings of a large house-hold and living complex "Generalskoe zapadnoe" (western general's one), and was destroyed in the first third of the 3rd century BC.

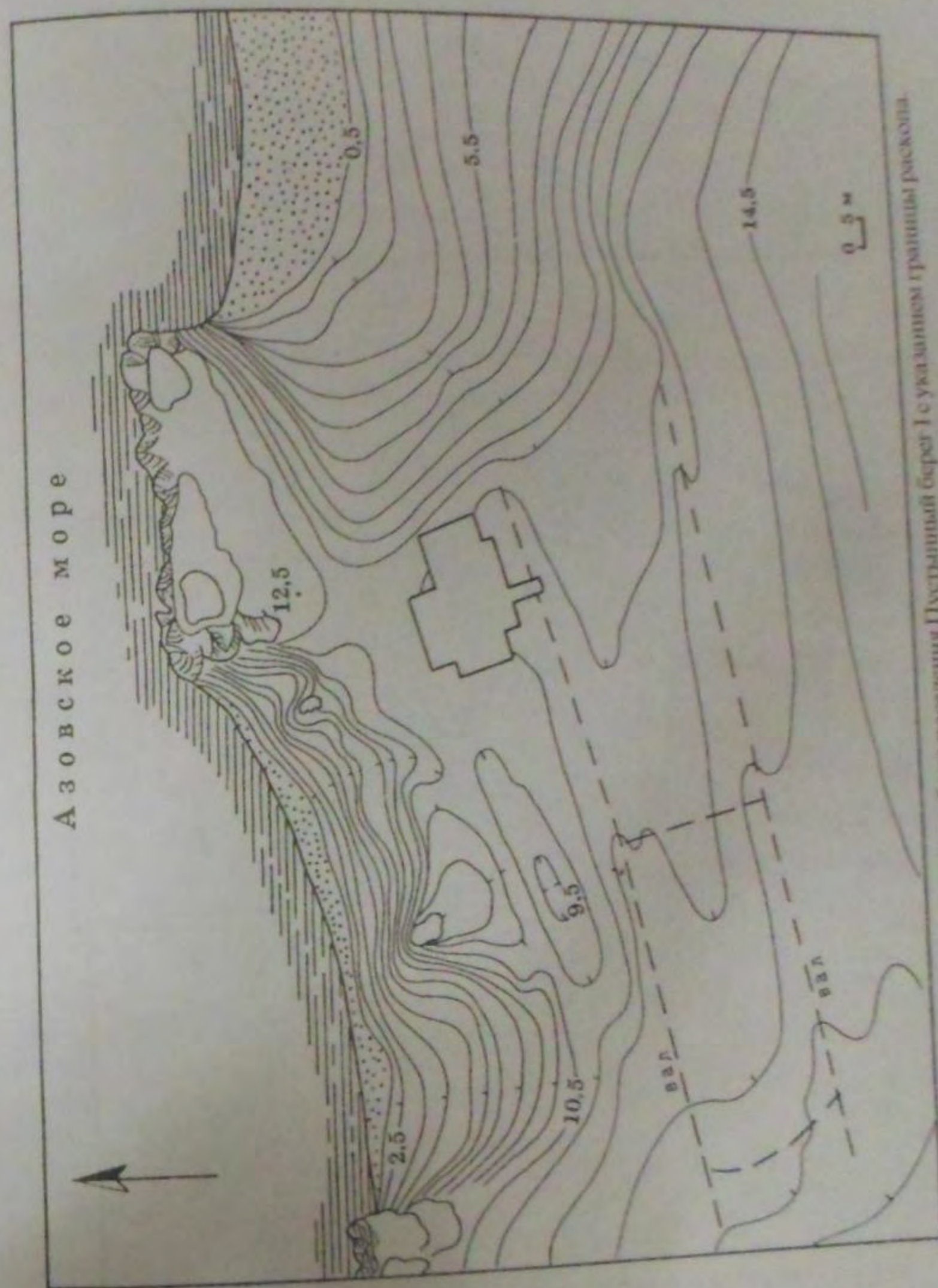

Рис. 1. Схематический топоплан района поселения Пустынный берег I с указанием границы раскопа.

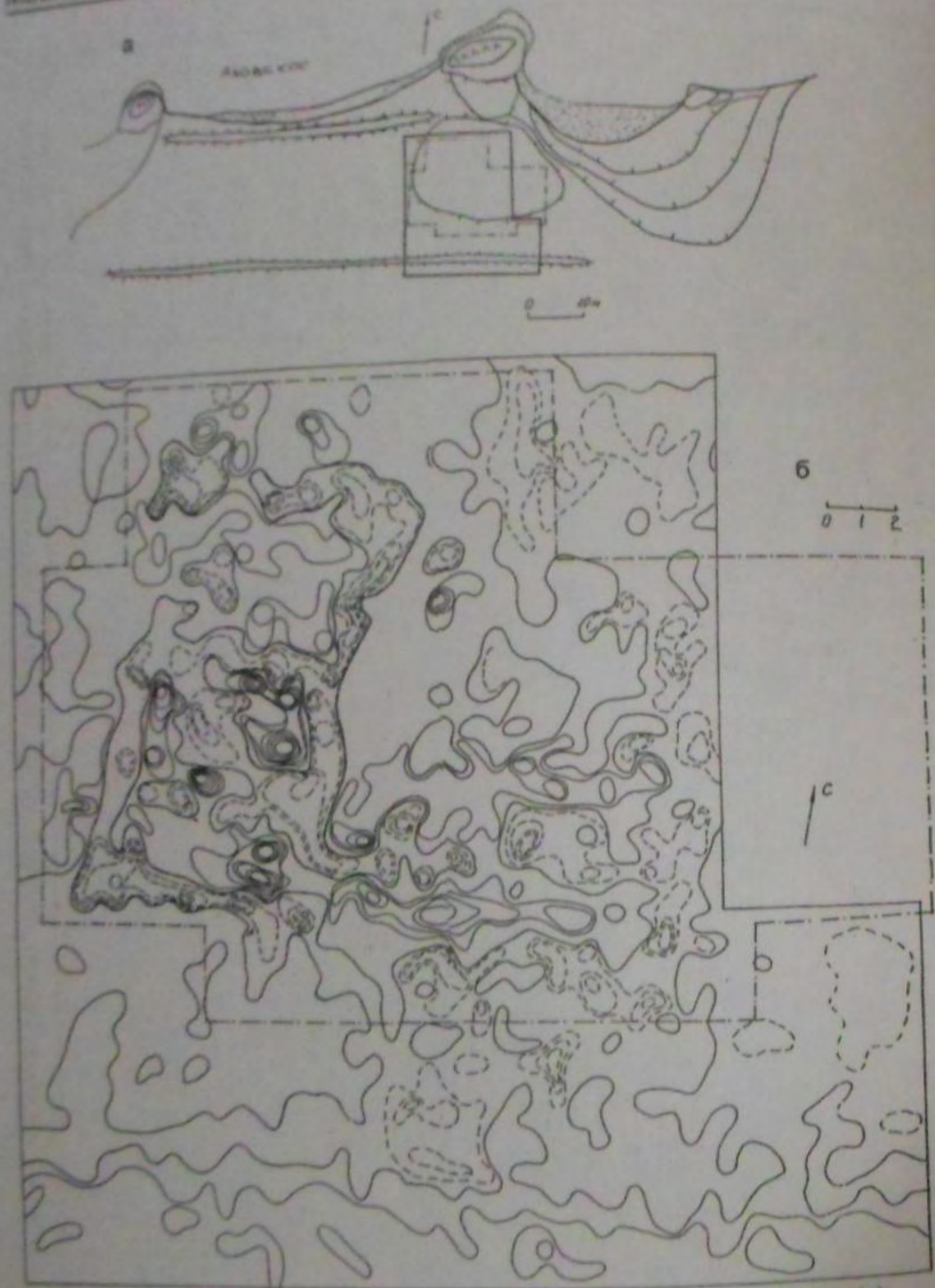

Рис. 2. Схема расположения участка магнитной съемки и раскопа (а); магнитная карта, сечения изолиний 2 иТл (б).

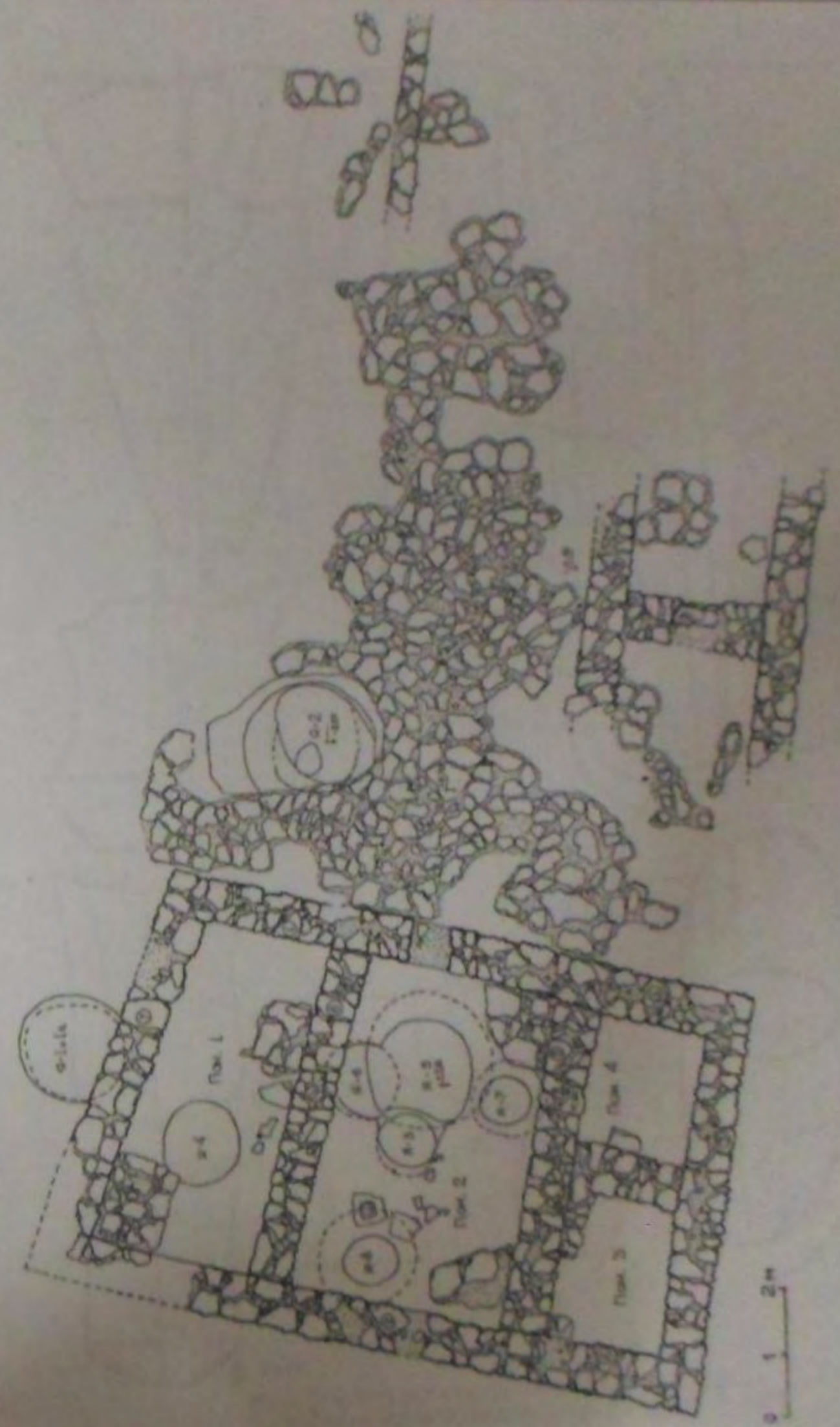

Рис. 3. Общий план раскопа.

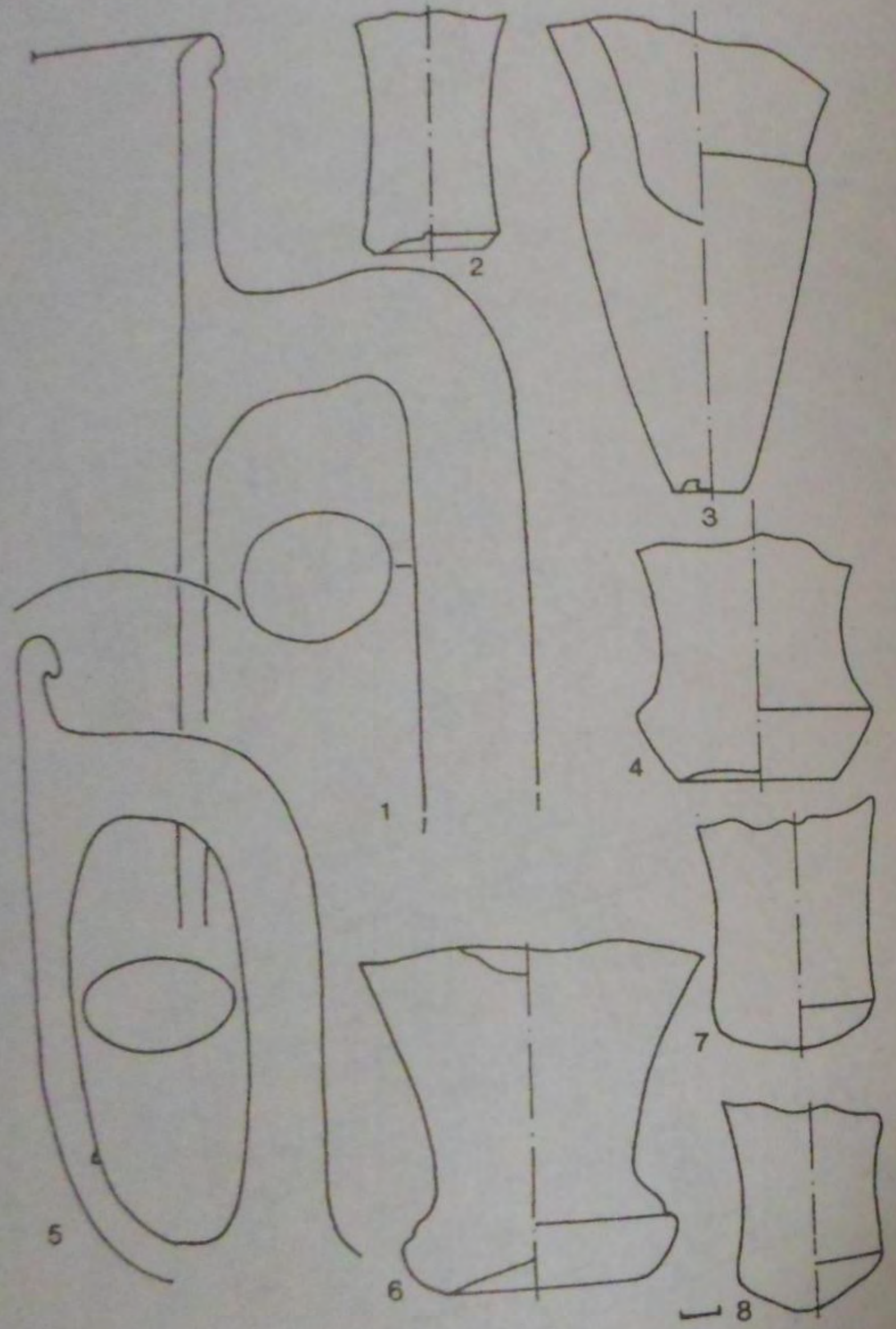

Рис. 4. Рисунки профильных частей амфор.

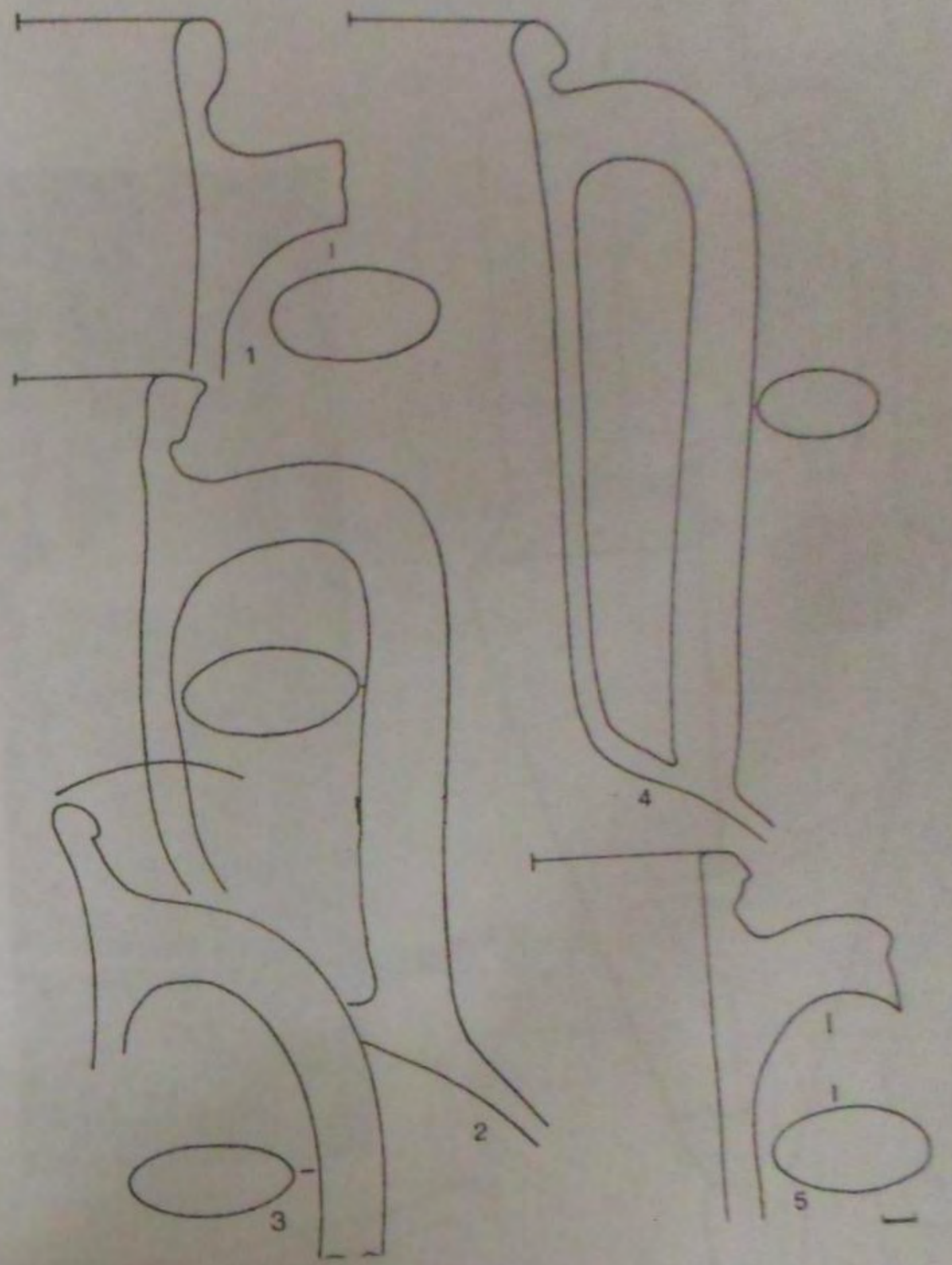

Рис. 5. Рисунки профильных частей амфор.

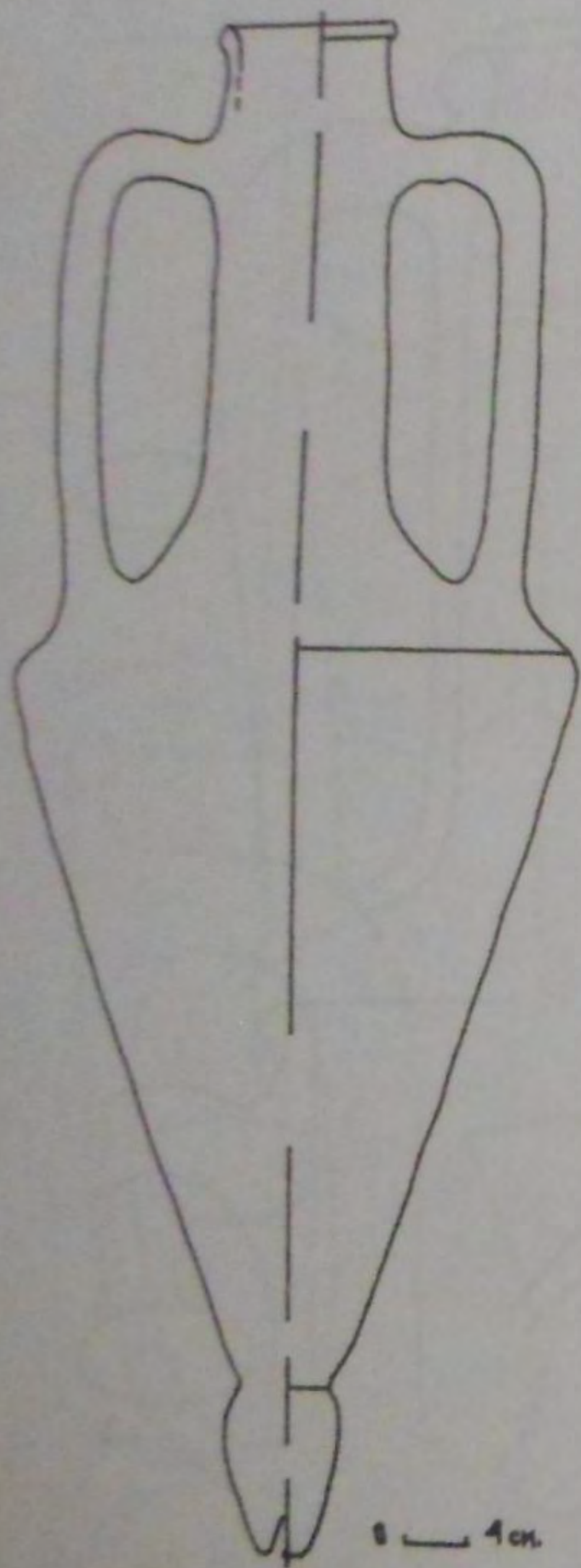

Рис. 6. Хиосская амфора.

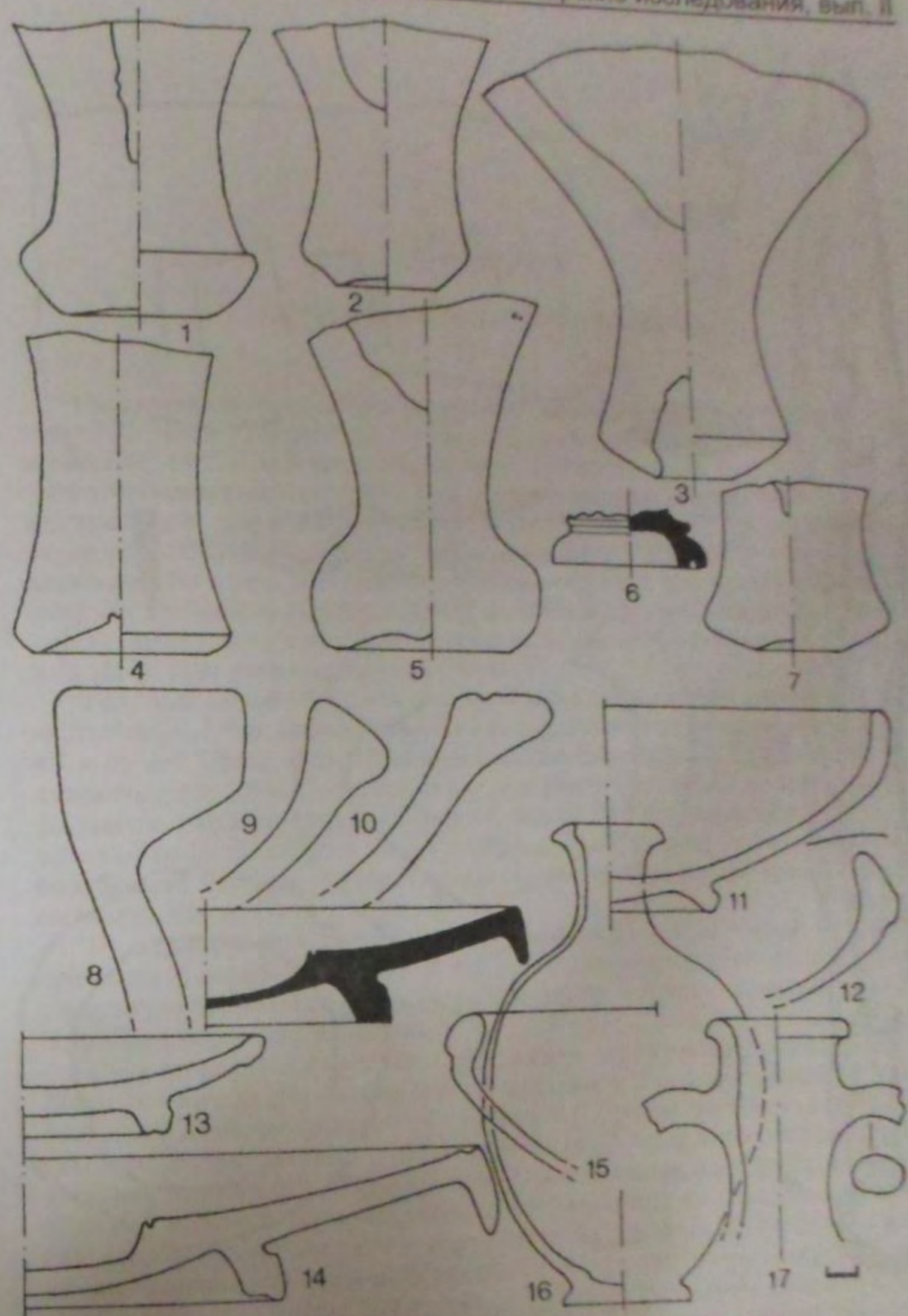

Рис. 7. Рисунки профильных частей амфор и посуды.

Рис. 8. Индивидуальные находки.

Е. А. МОЛЕВ

СИСТЕМА ОБОРОНЫ КИТЕЯ

Исследования оборонительной системы боспорского города Китея начались еще в XIX веке П.Дюбрюксом. В 1820-21 гг. он обследовал территорию городища и составил общий топографический план древнего города (рис. 1,1). На плане четко прослеживаются линия рва, крепостные стены, башни и ворота. В центральной части городища на плане П.Дюбрюкса также обозначен укрепленный стенами и рвом район, который исследователь определил как акрополь. Из плана и описания городища следует, что древний Китей был окружен двойной крепостной стеной с севера и востока, однорядной стеной с запада, имел ворота с восточной стороны, 5 башен и полубашен, ров, который шел вдоль всей линии крепостных стен.

Толщина внешней линии северной и восточной стен составляла 2,3 м, внутренней – 1,8 м. Внутренняя стена шла параллельно внешней на расстоянии 4,3 м от нее. Перед внешней стеной шел ров шириной в 6,4 м. Западная стена имела толщину 2,8 м. Перед ней также шел ров шириной 14,9 м. За исключением фундамента северо-западной башни, имевшей прямоугольную форму, все остальные башни были полукруглыми (П.Дюбрюкс определяет их как полубашни) или овальными. Общая протяженность линии крепостных стен составила 416 м.

На вершине центрального холма на городище, который П.Дюбрюкс принимал за акрополь, он отмечает наличие едва заметных остатков крепостных стен с двумя башнями по углам. Акрополь окружал хорошо заметный во времена П.Дюбрюкса ров, шириной 10,6 м.

Судя по плану и описанию П.Дюбрюкса, основу оборонительной системы Китея составляли две башни: северо-западная и северо-восточная. Это самые большие и наиболее мощные точки обороны. Причем северо-западная башня в какой-то период истории города, по-видимому, была перестроена, поскольку овальная башня здесь была включена в почти квадратную башню, размерами 10,5x10,5 м. Какой была изначальная форма башни по описанию неясно, так как раскопки провести в этом районе не удалось из-за наличия здесь взрывоопасных предметов, оставшихся со времен Второй мировой войны. Северо-восточная башня имела овальную форму диаметром 19 м и два входа с внутренней стороны. Столь значительные размеры башен говорят сами за себя.